

ОБ ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОМ СРАЖЕНИИ РАССКАЗЫВАЕТ НАЧАЛЬНИК ШТАБА 8-Й АРМИИ СОЮЗНИКОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР ФРЭНСИС ДЕ ГУИНГЭН

Еще до 1-го сражения под Эль-Аламейном Уинстон Черчилль посетил нас 19 августа на обратном пути из Москвы и остановился в нашем штабе в Бург-эль-Арабе/Burgh-el-Arab. Генерал Монтгомери позаботился о том, чтобы премьер-министр и его свита чувствовали себя комфортно. Он уступил Черчиллю свой автофургон и расположил его в нескольких ярдах от берега моря, для того чтобы наш знаменитый гость могут искупаться, когда у него будет желание.

Черчилль в самой живой форме рассказал нам о своем визите в Москву и том, как ему пришлось говорить в жестком стиле, пока он не убедил [Сталина] в том, что Великобритания делает что-то, чтобы победить в войне, и как он оказался под огромным впечатлением от лидерских способностей Сталина. Он увлек нас детальным рассказом о наших набирающих обороты военных усилиях и о том, что мы готовим нашему врагу. Я запомнил, как он говорил: «Германия стремилась к бомбовой войне, и она с горечью вспомнит тот день, когда начала ее, поскольку будет лежать в руинах.»

Поскольку Роммель потерпел неудачу в своем последнем отчаянном наступлении, у него оставалось только две альтернативы: просто стоять и ждать неизбежного наступления противника, укрепляя свои оборонительные линии, или отступить на более выгодные позиции до того, как мы сможем начать преследование в полную силу. Вторая опция привела бы к сокращению протяженности линий снабжения Роммеля, что сделало бы его положение менее опасным. Он выбрал первую опцию, без сомнения, главным образом, потому, что у него не было достаточного количества транспортных средств и горючего для отвода войск; кроме того, так или иначе, отступать было не в его характере, и такое решение было бы воспринято крайне негативно Верховным Командованием. Его решение означало, что чем дольше мы будем тянуть с наступлением, тем более прочными будут его оборонительные линии – особенно это касалось минных полей, проволочных заграждений и хорошо подготовленных укреплений. Было очевидно, что чем раньше мы начнем наступать, тем лучше для нас, и на этой позиции твердо стоял Черчилль, который начал оказывать давление на генерала Александера – главнокомандующего нашими силами на Ближнем Востоке. Он хотел, чтобы наступление началось в сентябре. У него была еще одна, дополнительная причина для этого, и заключалась она в том, что в начале ноября должно было произойти англо-американское вторжение в Северную Африку – операция *Факел/Torch*, и крупное сражение на нашем фронте должно было помочь успеху высадки.

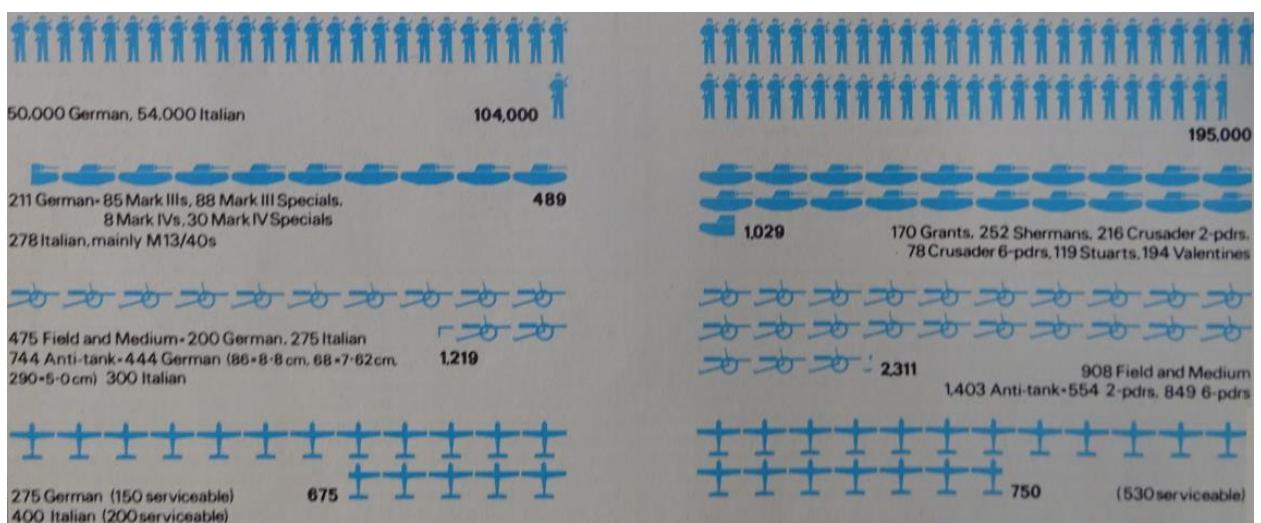
Наступил день, когда Александр прибыл к нам в штаб, привезя с собой послание Черчилля, в котором последний требовал начать наступление в сентябре. Прочитав этот документ, Монтгомери сказал: «Дай мне блокнот, Фредди» и, взяв его, записал в нем следующие три пункта:

- Атака Роммеля замедлила наши подготовительные работы
- Фазы Луны ограничивают возможности [наступления] определенными отрезками времени в сентябре и октябре

- Если начало наступления будет назначено на сентябрь, войска будут недостаточно вооружены и обучены, что, вероятно, окончится неудачей. Но если наступление произойдет в октябре, полный успех гарантирован.

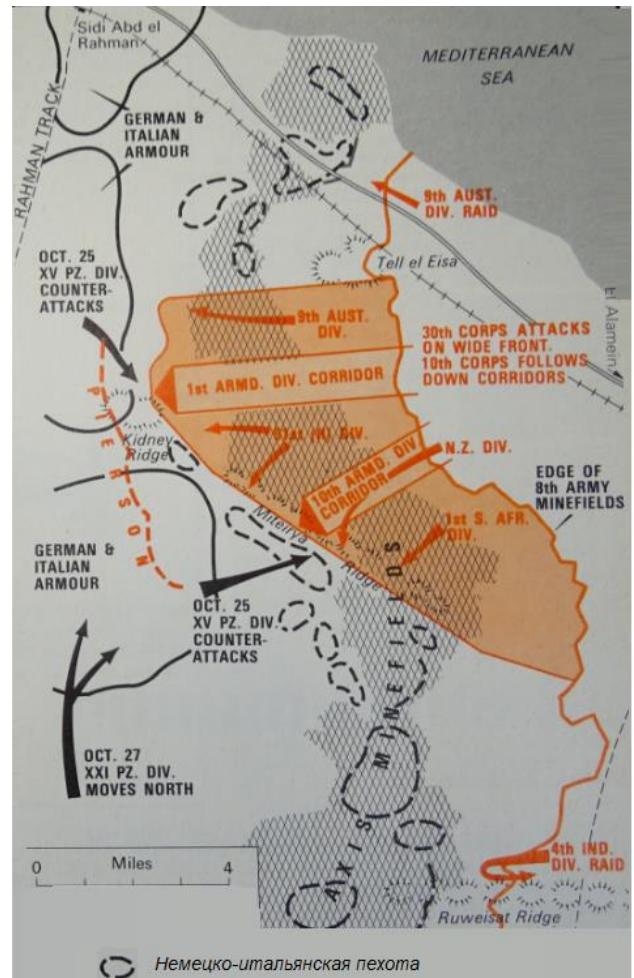
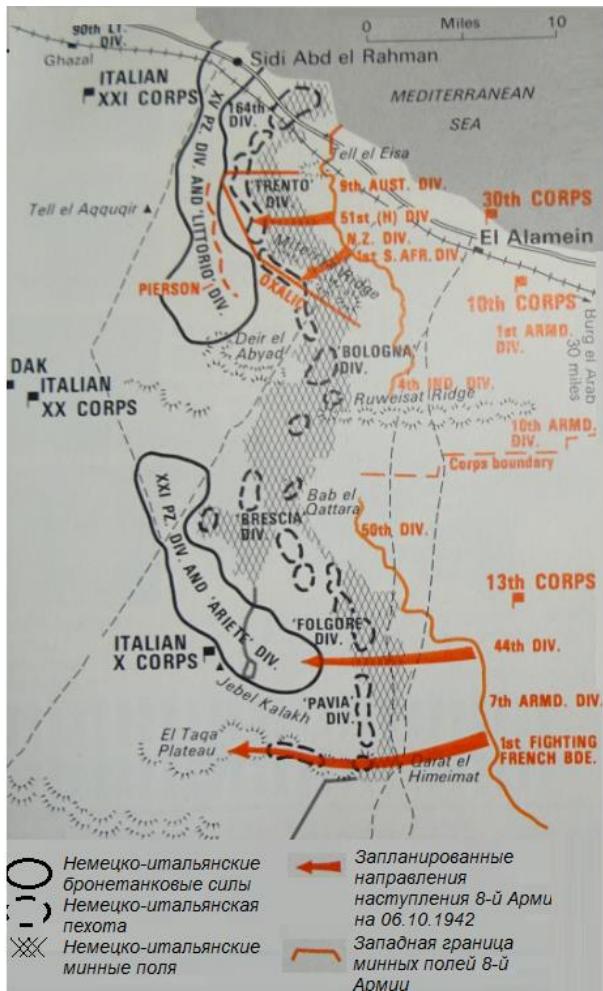
Повернувшись к Александеру, он передал ему блокнот и сказал: «Я должен добавить эти позиции к вашему ответу – они отладят его.» Последовавший за этим ответ [Черчиллю], опиравшийся на эти пункты, дал желаемый результат: что мог сказать любой премьер-министр в ответ на это по-солдатски четкое послание? Монтгомери в своих мемуарах вспоминал сказанные им Александеру в конфиденциальном порядке слова о том, что, если придет приказ атаковать в сентябре, ему придется искать кого-то другого для этого.

Приняв во внимание все обстоятельства, Монтгомери решил, что начнет наступление в Октябре в день полнолуния, точная дата – 23 октября. Важным моментом было то, что мы будем наступать ночью.



Соотношение сил противоборствующих сторон перед сражением

Возможности обойти позиции противника у нас не было: море и впадина Каттара лишили нас ее, поэтому нам предстояло прорывать вражескую оборону. Монтгомери решил предпринять основную атаку на правом фланге силами 30-го Корпуса генерала Лиза (Leese) одновременно с второстепенной атакой на южном фланге силами 13-го Корпуса генерала Хоррока (Horrock). В пробитую 30-м Корпусом брешь в обороне противника планировалось ввести 10-й Корпус генерала Ламсдена (Lumsden), чтобы оседлать линию снабжения противника и, таким образом, вынудить его бросить в бой свои танковые силы, которые будут нами разгромлены. После уничтожения вражеских танков можно будет без проблем разделаться с прочими войсками противника.



Слева: расположение основных сил противоборствующих сторон перед сражением, справа: начальная стадия сражения – 23-27 октября 1942 г.

Командующий Армией назвал три основных столпа, на которых будет основываться подготовительный период. Это были *Лидерство – Вооружение – Обучение*. Уже вскоре он добился того, чтобы первый столп был упорядочен, и перевооружение Армии пошло должным образом. Однако в начале октября он понял, что подготовка войск все еще находится ниже необходимого уровня, и в свете этой ситуации принял одно из своих быстрых решений. Он изменил план наступления и вместо разгрома танковых сил противника наметил уничтожение обороняющейся пехоты, обычно лишенную поддержки танков, и использование наших бронетанковых сил для того, чтобы предотвратить вмешательство противника на этой стадии. Без пехотных дивизий, удерживающих являющиеся твердой основой для операций мобильных сил оборонительные линии, танковые части противника окажутся в неблагоприятном для них положении, а их линии снабжения будут находиться под постоянной угрозой. Было маловероятно, что танки противника будут находиться в пассивном ожидании, пока мы будем уничтожать его пехоту, - скорее всего, это вынудит танки противника атаковать нас, когда мы будем в состоянии отразить эти атаки. Окончательный план, представленный командующим Армией 6 октября, выглядел следующим образом:

- Основная атака будет осуществляться на севере силами 30-го Корпуса в секторе фронта четырех дивизий [чтобы захватить плацдарм на линии *Oxalic* за основной полосой обороны противника]. В минных полях нужно будет расчистить два коридора, через которые проследует 10-й Корпус.

- На юге 30-й Корпус осуществит две атаки. Одна будет нацелена на Химеймат/Himeimat и участок Тага/Taga. Вторая – участки Гебель Калах/Gebel Kalakh и Карет-эль-Хадим/Qaret el Khadim. Первостепенная задача этих атак – сбить противника с толку и, таким образом, связать те его силы, которые могли бы быть использованы против 30-го Корпуса.
- Оба вышеупомянутых корпуса должны будут уничтожить силы противника, удерживающие его передовые линии.
- 10-й Корпус должен будет развернуться [вдоль линии *Pierson* непосредственно к западу от линии *Oxalic*], чтобы предотвратить воспрепятствование силами противника операциям 30-го Корпуса. Конечная цель его действий [путем продвижения к линии *Skinflint*] – разгром танковых сил противника.
- Наступление должно начаться ночью, в полнолуние.

План артиллерийской подготовки был разработан с особой тщательностью. Мы должны были вступить в бой с большим количеством артиллерии и значительным запасом снарядов. Сражение предстояло начать с исключительно интенсивного контрбатарейного обстрела, после чего основная часть артиллерии сконцентрирует огонь на оборонительных позициях противника.

Хорошим дополнением был план действий авиации. Еще до наступления *Воздушная Группировка* (*Desert Air Force*) вице-маршала Конингхема (Air Vice-Marshal Coningham) начала сводить к минимуму воздушные операции противника. В одном или двух случаях Конигхем продемонстрировал превосходные лидерские качества, использовав ситуации, когда изолированные ливни прижали к земле некоторые подразделения вражеской авиации. Предпринятые им с большой оперативностью атаки с небольших высот привели к тому, что противник понес большие потери в самолетном парке и лишился большого объема [авиационного] горючего.

В первую ночь наступления нашей авиации предстояло нанести удары по артиллерийским позициям противника и тем поддержать нашу контрбатарейную борьбу. Затем авиация должно было переключиться на участки расположения танковых дивизий врага. В нашем распоряжении было 500 истребителей и 200 бомбардировщиков – значительные по тем временам силы.

Скорость продвижения была одним из тех аспектов операции, который доставлял нам наибольшие волнения. Мы предприняли максимум усилий для того, чтобы выяснить, какой будет проходимость участков, через которые будут наноситься удары. Аэрофотосъемка, допросы пленных, расспросы наших собственных военнослужащих, которым ранее доводилось перемещаться по этим участкам – это были только некоторые из подходов, которые мы применили. Мы проложили шесть дорог к стартовой позиции 30-го Корпуса, и это само по себе уже было грандиозной задачей, так все эти дороги были проложены через участки распространения довольно рыхлых песков.

Армия макетов

Мероприятия по вводу противника в заблуждение были особенно интересными. Мы обоснованно решили, что в стратегическом плане мы не застанем противника врасплох, поскольку он знал, что мы готовимся к наступлению. С другой стороны, тактическая внезапность была достижима. Мы сочли, что сможем ввести врага в заблуждение относительно моци, точной даты и направления главного удара. Все наши планы составлялись с учетом этих моментов, и это имело успех.

Первой проблемой была попытка скрыть от противника концентрацию наших сил насколько это возможно. Штаб разработал окончательную диспозицию на день наступления – количество артиллерии, число танков, машин и войск. У нас была очень большая карта, отражавшую диспозицию частей различных родов войск. Мы организовали достижение запланированной плотности наших войск довольно заблаговременно и держали ее на этом уровне до последнего момента для того, чтобы воздушная разведка противника не увидела особых изменений в последние две-три недели. Чтобы добиться этого, мы использовали резервные транспортные средства и макеты машин. Потом их постепенно заменяли машинами, принадлежавшими ударным частям, когда они выходили на отведенные им стартовые позиции. Эти замены осуществлялись ночью, кроме того, мы использовали специальные макеты машин, под которыми прятали пушки. Все перемещения жестко контролировались, окопы для ударных частей рыли ночью и ночью же маскировали.

Следующей задачей была такой – заставить противника поверить в то, что основная атака произойдет на южном фланге. Я должен добавить, что эти шаги не были популярны у командования 13-го Корпуса, но они благородно приняли этот план для общего блага. Кроме того, применялись и другие методы: мы разместили в южном секторе большие ложные склады и ложную водопроводную трубу с различными водно-техническими инсталляциями. Все было организовано таким образом, чтобы противник решил, что эти работы будут завершены через одну или две недели *после намеченной нами даты наступления*. В конечном итоге, в ночь наступления, радио трафик штаба нашей бронетанковой дивизии был доведен до такой интенсивности, чтобы противник мог прийти к выводу о значительных перемещениях наших танков в южном секторе фронта...

Вечером 23 октября мы организовали отвлекающий морской десант в тылу противника. Около 4 часов после полудня из Александрии вышел конвой. После наступления темноты большая часть кораблей, кроме нескольких, повернула назад, оставшиеся осуществили ложный десант. Были произведены артиллерийский и пулеметный обстрел побережья, применялись световые сигналы. По времени это было организовано за три часа до начала наступления, мы надеялись, что это свяжет определенные ресурсы противника. Погрузка на корабли, без сомнения, была замечена вражескими агентами, которые могли видеть размещаемые на [десантных] кораблях танки и поднимавшуюся на борт пехоту. Без сомнения, все эти меры помогли в том, чтобы сбить противника с толку и создало фактор тактической внезапности.

Многое нужно было сделать с организационной точки зрения. Вся административная система нуждалась в модернизации. В прошлом, когда мы действовали в обороне, большую часть ресурсов приходилось держать в тылу, теперь, когда мы переходили в наступлении, их было необходимо переместить вперед, насколько это было возможно. Переброска материальных ресурсов вперед и маскировка складов были большой задачей, и мы оперативно подготовились к ускоренной прокладке соответствующей железнодорожной ветки. Мы также подготовились к открытию морских портов после того, как они будут захвачены, и усовершенствовали организацию вывоза с поля боя поврежденных танков и машин их последующего ремонта.

Изменения в планах Монтгомери относительно использования наших бронетанковых сил почти спровоцировало кризис в отношениях между ним и генералом Хербертом Ламсденом, который был выбран для того, чтобы вести в бой *Corps d'Elite* – 10-й Армейский Корпус. Ламсден в прошлом храбро сражался, командуя бронетанковой дивизией в *старые тяжелые времена*. Он был кавалеристом до мозга костей, естественно, мыслил в русле мобильной войны и с нетерпением ждал того дня, когда его бронетанковые части, оснащенные современными машинами, будут брошены в брешь [в обороне противника], созданную пехотой, чтобы развернуться вглубь и вширь. То есть, новые инструкции командующего Армией не очень ему импонировали...

Вскоре Ламсден собрал корпусное совещание, на котором разъяснил свой план и свои представления всем офицерам корпуса. Монтгомери временно отсутствовал, поэтому я решил сам посетить это совещание. Мне быстро стало ясно, что новая концепция применения танков не была полностью принята командующим корпусом, и в конце совещания я провел беседу с Ламсденом, обратив его внимание на намерение командующего армией вести бой своим путем. Можно было видеть, что Ламсден был не рад этому в полной мере, и, по-видимому, наблюдалось возрождение дурной старой привычки подвергать сомнению правильность приказов.

После возвращения командующего Армией, я обстоятельно доложил о случившемся, и Монтгомери без промедления, с полной ясностью, донес свои взгляды до командующего 10-м Корпусом. Ламсден, будучи хорошим солдатом, принял его позицию и внес изменения в свои собственные планы.

Мы провели крупномасштабные учения к началу предстоящей битвы, и командиры различного уровня сделали выводы. К концу третьей недели октября мы поняли, что все крупномасштабные приготовления успешно завершены. Со штабной точки зрения, темпы [подготовительных] работ замедлились, что указывало на завершение подготовки... Монтгомери справедливо решил, что, если мы хотим наибольшей отдачи от наших солдат, необходимо донести до них наш план полностью, чтобы они понимали, как их личный вклад [в успех] встраивается в общую схему.

19-20 октября он обратился ко всем офицерам 30-го, 13-го и 10-го корпусов, вплоть уровня подполковника. Это было настоящим достижением. Эти беседы были лучшими из тех, которые он когда-либо проводил, ясными, четкими, полными уверенности. Он затронул положение противника, подчеркнул его слабые места и с определенностью сказал, что продолжительная схватка (dog fight) и побоище (killing match) займут несколько дней, «может быть, десять дней.» Затем он подробно рассказал о нашей мощи, наших танках, нашей артиллерии и наших колоссальных запасах снарядов. Он вбивал в головы необходимость постоянного удержания инициативы и то, чтобы каждый – *каждый* – проникся горячим желанием «убивать немцев.» «Даже капелланы – по одному в будние дни и по два по воскресеньям!» Это вызвало шум и гам. Объяснив, как будет проходить сражение, он сказал, что полностью уверен в результате.

21-22-го люди были уведомлены о наступлении, увольнительные были отменены, а к 23-му был достигнут исключительный уровень энтузиазма. Солдаты знали, что их ждет удача...

Утром 22 октября Монтгомери провел пресс-конференцию. Он разъяснил свой план, свои намерения, свою твердую уверенность в успехе. Многие из военных корреспондентов были потрясены его уверенностью – напыщенной уверенностью – которую он продемонстрировал. Они чувствовали, что в этом была какая-то уловка: как он мог быть столь уверен [в успехе]? Некоторые, я полагаю, думали о том, что лабиринт минных полей и простирающихся в глубину оборонительных позиций противника были слишком большой проблемой, чтобы можно было оправдать его оптимизм.

Во второй половине дня, 23 октября, мы выехали в наш центральный штаб, расположенный на побережье в нескольких минутах езды от штабов 30-го и 10-го корпусов. Мы располагали хорошо защищенными [телефонными] кабелями, связывавшими нас с корпусными штабами. Машины были врыты в землю, поскольку мы были близко от передовой и неподалеку от дороги через пустыню, которая, вне всякого сомнения, должна была стать – и стала – целью воздушных атак врага. Я принял решение постоянно находиться в этом тактическом штабе, и это хорошо сработало. Мои люди могли говорить со мной по прямому проводу и прибывать на совещания в течение часа.

Был прекрасный вечер, и после наступления темноты я выехал, чтобы при свете луны посмотреть на перемещение некоторых наших частей. Все шло хорошо, все выглядели настроенными на успех. Это был день, к которому многие из нас готовились и которого ждали. Пока назначенный час приближался, мы уселись в наши машины и направились к хорошему наблюдательному пункту, чтобы увидеть начальные моменты сражения. Мы проехали мимо бесконечного потока танков и машин – все это двигалось в точном соответствии с назначенным временем. Это был 10-й Корпус, выдвигавшийся на стартовые позиции под светом луны, которого было достаточно, чтобы перемещаться, но в достаточной темноте, чтобы не быть замеченным с самолета. Какое-то количество наших самолетов летало над позициями противника, создавая отвлекающий шум, кроме этого, могло показаться, что все тихо и спокойно. Иногда взлетали осветительные ракеты, раздавались одиночные пулеметные очереди и артиллерийские выстрелы, что случалось каждую ночь. Мы посмотрели на часы: 21:30 – оставалось 10 минут. Я уже был не в силах ждать...

Артиллерийская подготовка

Более тысячи пушек открыли огонь. Зрелище было великолепным и поднимающим боевой дух. Я попытался представить себе, что думает противник, знает ли он, что за этим следует? Должен знать. Время от времени мы видели в полосе обороны противника красные сполохи. Каждый раз, когда это происходило, бригадир Деннис (Dennis), командующий артиллерией 30-го Корпуса, рыком выражал свое удовлетворение: еще одна артиллерийская позиция взлетела в воздух. Наступило время идти в атаку пехоте. Периодически мы видели трассы выстрелов пушек *Бофорс/Bofors*, указывавшие направление атаки. Позади нас мощные лучи прожекторов упирались в небо, чтобы помочь наступавшим частям выносить на карты их положение, поскольку природных ориентиров в пустыне было мало.

Около 23:00 я выполз из укрытия и выехал в штаб. Я знал, что еще какое-то время не будет интересных новостей, и нашел час-два для того, чтобы отдохнуть, пока не был разбужен для того, чтобы выслушать первые сообщения...

Хотя Битва у Эль-Аламейна была сравнительно небольшой по сравнению со сражениями, случившимися позднее в ходе войны, по разным причинам она стоит высоко в смысле ее важности. Начнем с того, что она обозначила перелом в ходе боевых действий, которые вели британские войска. Фактически, победа в этой битве сверкала, словно бриллиант, после серии приводивших в уныние поражений. Она подняла боевой дух британцев, убедив их в том, что при наличии должного руководства и соответствующих вооружений, немцев можно было побить, и вдохнула в народ Британии уверенность в конечной победе. Так или иначе, на фоне предыдущих боев на Ближнем Востоке, это было грандиозное наступление, и вероятно, одно из наиболее ожесточенных сражений всей войны в этих пустынных краях. Наш новый командующий ни разу не потерял уверенность или инициативу, в то время как его войска всегда были убеждены в том, что успех будет на их стороне...

В ночь с 23-го на 24-е октября 30-й Корпус атаковал силами четырех дивизий по двум коридорам, расчищенным в минных полях. Эта атака осуществлялась в довольно узком секторе фронта протяженностью в 6-7 миль, северный фланг которого упирался в высоты Телль эль Эйса/Tell el Eisa, южный – в гряду Митеирия/Miteirya.

Диспозиция немецких и британских войск к началу сражения интересна по трем причинам:

- Большая часть статичных оборонительных позиций противника удерживалась итальянцами;

- Немецкие пехотные дивизии: 164-я и 90-я Легкопехотная занимали позиции в глубине, защищая жизненно важный участок прибрежного шоссе;
- Немецкие танковые части (Africa Corps) находились в резерве, равномерно рассеянные по северному и южному секторам.

Помимо основной атаки 30-го Корпуса, бригада из состава 9-й Дивизии австралийцев осуществляла отвлекающую атаку между высотами Телль эль Эйса и морем. Эта атака, вместе с ложным десантом с моря, должна была иметь беспокоящий эффект в то время как южнее 4-я Дивизия индийцев наносила сильный удар из района гряды Рувейсат/Ruweisat. Позднее, в 2 часа ночи 24 октября, передовые элементы 1-й и 10-й бронетанковых дивизий двинулись вперед со своих стартовых позиций.

Немцы приходят в себя

Прогресс был хорошим, с задачей расчистки коридоров в минных полях справлялись, но к утру танки все еще не смогли продвинуться за их полосу. Ночью участок гряды Митейрия был не самым приятным местом, здесь развернулся ожесточенный бой, так как, прия в себя после первоначальной атаки, противник сконцентрировал артиллерийский и минометный огонь на коридорах, а 15-я Танковая Дивизия немцев осуществила контратаку. Командующий Армией проанализировал ситуацию утром 24-го и решил, что, хотя начало было удачным, остается принципиально важным не ослаблять усилия по продвижению танковых частей через минные поля, и пришло время идти в атаку [на позиции пехоты] дивизии новозеландцев.

На юге атака 13-го Корпуса началась в соответствии с планом. Французы успешно атаковали высоты Химеймат/Himeimat, но вязкий песчаный грунт не дал возможности их подразделениям огневой поддержки вовремя прийти на помощь, в результате чего немцы отбросили их в ходе контратаки. Другая атака 13-го Корпуса после первоначального успеха была остановлена противником между поясами мин. 24-е октября в этом секторе, таким образом, ушло на бои противопехотные бои. Они остались второстепенными по отношению к боям в основном секторе прорыва 30-го Корпуса, где, несмотря на небольшие затруднения, главная цель была достигнута, поскольку 21-я Танковая Дивизия немцев так и осталась в южном секторе фронта.

Наступила неделя ожесточенных боев. К вечеру 24-го 1-я Танковая дивизия сумела немного продвинуться за пределы минных полей, но 10-я Танковая Дивизия не смогла этого добиться и попала в весьма затруднительное положение. Атака, которую она предприняла в 22:00 того дня при поддержке корпусной артиллерии, не принесла ощутимого продвижения вперед.

Командующий Армией хотел спать в своем фургоне в обычное для себя время – между 21:30 и 22:00. Но, поскольку ситуация оставалась довольно неопределенной, я решил остаться на ногах и быть в контакте с корпусом. Ближе к 2 часам ночи 25 октября стало очевидно, что ситуация в южном коридоре, в районе гряды Митейрия, остается неудовлетворительной. В расчищенных коридорах образовались значительные пробки, потери от артиллерийского и минометного огня противника были ощутимыми. На этом критически важном участке генерал Фрейберг, как обычно находившийся в центре событий, лично руководил действиями своих людей из своего танка.

В целом у меня сложилось впечатление, что кое-где, в штабах, зреет желание приостановить наступление и отойти за гряду. Я, вследствие этого, решил, что это был тот случай, когда должен вмешаться командующий армией, и созвал совещание на 3:30 в нашем тактическом штабе, вызвав на него Лиза из 30-го Корпуса и Ламсдена из 10-го.

Затем я пошел и разбудил Монтгомери. Он согласовал мои действия и сказал мне привести обоих командующих корпусами в картографический фургон, когда они появятся...

Монтгомери сидел, внимательно изучая карту, прикрепленную к стене. Он приветствовал нас самым жизнерадостным образом и затем попросил каждого из командующих поведать ему о ситуации в их секторах. Он выслушал их очень внимательно, только изредка прерывая их вопросами. Была заметна определенная *атмосфера*, требовалось осторожное управление ситуацией, и Ламсден был, очевидно, все еще недоволен той ролью, которая была отведена его танкам. Через какое-то время Монтгомери переговорил по телефону с командиром 10-й Танковой Дивизии и услышал его версию происходивших событий. Затем он ясно дал понять, что в его приказах не будет никаких изменений. Танки могут и должны пробиться вперед. Он также приказал штабу этой дивизии переместиться гораздо ближе к передовой...

Решение не менять ничего в планах на тот момент было смелым, поскольку это означало значительный риск и большие потери. Но, если бы оно не было сделано, я твердо уверен, атака могла бы захлебнуться, и достигнутый нами в полной мере успех мог бы остаться вне досягаемости. К 8 утра 25 октября пришло сообщение о том, что передовая танковая бригада 10-й Дивизии продвинулась за тыловую границу полосы минных полей на 2 000 ярдов и вступила в соприкосновение с 1-й Танковой Дивизией, продвигающейся севернее. В дополнение к этому, мы услышали о том, что Новозеландская Дивизия и 8-я Танковая Бригада прошли полосу основных минных полей и наступают в направлении на юго-запад в соответствии с планом. Они привлекли на себя несколько контратак со стороны 15-й Танковой Дивизии немцев, которые были отбиты с тяжелыми потерями для противника.

Ось наступления перемещается на север

К полудню Монтгомери понял, что направленные на уничтожение пехоты противника атаки новозеландцев обходятся слишком дорогой ценой, и решил переместить ось наступления на север, приказав австралийцам уничтожить силы немцев, дислоцированные в образовавшемся выступе. 1-я Танковая Дивизия получила приказ пробивать себе путь на запад с целью поставить под угрозу пути снабжения противника, [носившие название *Rahman Track*] и тылы противника в приморском выступе. Однако танкисты в ходе этой атаки достигли заметного прогресса только к ночи с 26-го на 27-е октября. Атака австралийцев, которыми командовал генерал Морсхед (Moreshead), развивалась успешно: они продвинулись вперед, нанеся тяжелые потери противнику. На этом участке позиции врага были хорошо укреплены, оборону держали, в основном, немцы, и, я полагаю, что на этом участке имели место наиболее яростные и ожесточенные бои в ходе всего сражения в целом, которые внесли наиболее весомый вклад в окончательную победу.

26-го новозеландцы и Южноафриканская Дивизия медленно продвигались вперед, и командующий Армией принял решение провести перегруппировку. 30-му Корпусу была нужна пауза, и, хотя мы пробились через основные минные поля, противник по-прежнему удерживал хорошо организованные оборонительные линии напротив нас. Перегруппировка высвободила резервы, необходимые на решающей стадии сражения. Новозеландцы были отведены от передовой, их место заняли перемещенные севернее 1-я Дивизия южноафриканцев и 4-я Дивизия индийцев. Новозеландцы получили приоритет в пополнении их частей танками и провели день, отдохнув и купаясь в море.

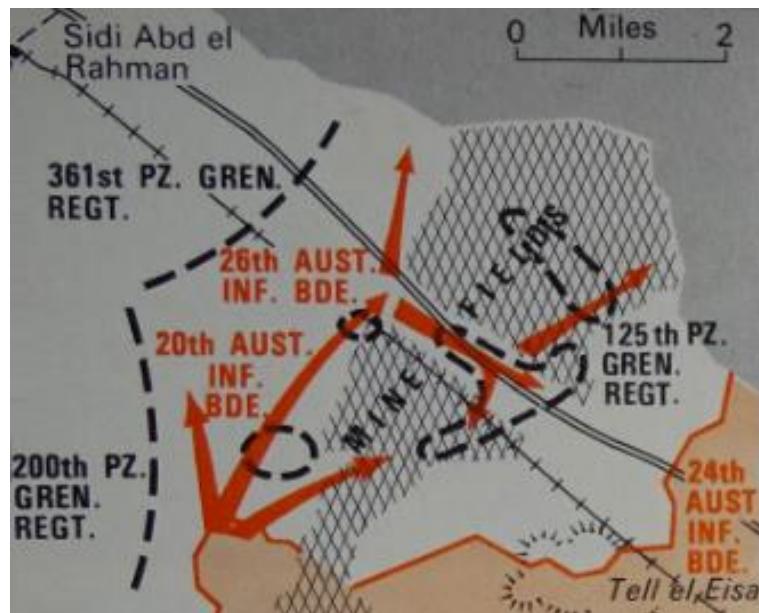


Новозеландцы хоронят погибших товарищей

<https://teara.govt.nz/en/photograph/34571/new-zealand-war-cemetery-near-el-alamein>

27 октября пришло известие о том, что два танкера противника и одно транспортное судно были потоплены близ входа в гавань Тобрука и эта потеря может существенно повлиять на ход сражения. В 12:00 командующий Армией созвал совещание, на котором разъяснил свой план перегруппировки войск и свои намерения по продолжению атак силами австралийцев. 13-й Корпус получил приказ полностью подготовить 7-ю Танковую Дивизию и другие части в северный сектор фронта, поскольку в ночь с 26-го на 27-е октября 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась туда. Утром мы сумели с помощью радиопеленгатора определить расположение штаба этой немецкой дивизии.

Большую часть дня две немецкие танковые дивизии атаковали наши позиции. Нас это устраивало, и наша 1-я Танковая Дивизия отличилась, заявив об уничтожении 50 вражеских танков. В дополнении к этому Королевские ВВС хорошо отбомбились по врагу в моменты его подготовки к атакам, то есть, в целом, это был захватывающий и удачный день: из расположения нашего штаба мы видели столбы черного дыма, поднимавшиеся в небо там, где горели танки и машины врага. Далее Монтгомери решил, что 1-я Танковая Дивизия нуждается в отдыхе, и отвел ее в резерв. Ее сектор фронта перешел к обороне силами пехотных бригад, переброшенных сюда из состава 13-го Корпуса.



Передовые линии 9-й Дивизии австралийцев на 28 октября

— Немецко-итальянские войска

Атакующие действия австралийцев в северном секторе

В ночь с 28-го на 29-е австралийцы вновь атаковали противника и вклинились в его позиции, почти достигнув дороги между участком Сиди Абд эль Рахман/Sidi Abd El Rahman и высотами Телль эль Эйса. Хотя 29-го противник сделал все возможное, чтобы уничтожить этот клин, его атаки силами танков и пехоты потерпели неудачу. 29-е октября было очень интересным днем, поскольку наши планы и подготовительные мероприятия были уже нацелены на прорыв, который получил кодовое название *Суператака/Supercharge*. Командующий Армией намеревался осуществить эту атаку как можно дальше к северу, но некоторые из нас чувствовали, что лучший результат может быть достигнут, если ось атаки пройдет южнее: чем дальше на север, тем больше было немцев, мин и [хорошо] подготовленных оборонительных позиций.



Австралийцы в бою. Северный сектор Эль-Аламейнского фронта
<http://www.theaustralian.com.au/news/inquirer/australias-pivotal-role-in-the-end-of-the-beginning-remains-underrated-at-home/news-story/b31e3c274034134c5c09922831d966ed>

Утром нам нанесли визит главнокомандующий Александр, государственный министр Кэйси (Minister-of-State Casey) и начальник штаба Александера генерал-лейтенант МакГрири (McGreery). Командующий Армией описал ситуацию и свои планы, он излучал уверенность в себе. Он подчеркнул, что всегда предсказывал *десятидневную схватку*, и был определенно уверен в том, что победа в сражении будет за нами. Тем не менее, я вскоре осознал, что кабинет [министров] в Лондоне и определенные личности в Каире начали интересоваться тем, сдержит ли, в конце концов, Монтгомери свое обещание одержать *Полную Победу*. Исходя из этого, неизбежным стало то, что все сфокусировались на *Суператаке*, и, во время обсуждения предмета с МакГрири, я обнаружил, что он также чувствовал, что эту атаку нужно осуществить южнее.

После отъезда Александера, Кэйси и МакГрири, я, в большей степени, чем когда-либо, ощущал беспокойство по поводу выбора сектора для *Суператаки*. Мне казалось, что Роммель сделает все от себя зависящее, чтобы защитить свои основные склады и линии сообщения, использовавшие прибрежное шоссе. Он не мог позволить себе рисковать в этом важнейшем для себя секторе фронта. В этой связи я продолжил обсуждение этой проблемы с Биллом Уильямсом (офицером разведки) и выяснил, что он разделяет мою точку зрения. По счастью, выяснилось, что немецкая 90-я Легкопехотная Дивизия переместилась в северный сектор фронта, вне всякого сомнения, из-за успешных действий 9-й Дивизии австралийцев. Стало очевидно, что фронт войск Оси далее к югу ослаблен. Я решил взять с собой Уильямса, чтобы переговорить с командующим Армией и дать ему возможность оценить меняющуюся ситуацию. Ранее на Монтгомери производили хорошее впечатление разъяснения Уильямса, касающиеся распределения Роммелем своих сил по фронту, нацеленного на укрепление итальянских частей. Он быстро увидел, что текущая ситуация дает отличный шанс атаковать там, где противник слабее всего, - там, где большинство обороняющихся представлены итальянцами, или на стыке частей союзников по Оси. Монтгомери никогда не медлил в принятии решений, при условии, конечно, что у него в распоряжении были необходимые факты, и в этом случае он незамедлительно изменил положение оси предстоящей атаки. Помню, что я покидал картографический фургон в хорошем настроении, и в тот же день, позднее, позвонил МакГрири, который был в восторге от этих новостей. Это решение, я уверен, было решающим на пути к победе.

Австралийцы продолжили свои атаки в ночь с 30-го на 31-е, перерезали прибрежное шоссе, и в какой-то момент показалось, что основная часть сил немцев, расположенных в пределах выступа, будет отрезана и уничтожена. Однако они сумели вырваться с помощью танковых подкреплений, но эти атаки на севере очень помогли, потому что связали силы противника в прибрежной полосе и, кроме того, нанесли ему большие потери.

1 ноября мы узнали о том, что 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась еще дальше на север, то есть, все было готово к тому, чтобы наступила последняя фаза сражения. После 24-часовой задержки (отдых и перегруппировка войск) началась *Суператака*, которой утром 2-го ноября, поддержанная продвигавшимся вперед огневым валом. Около 300 25-фунтовок и корпусная артиллерия средних калибров приняли в этом участие.

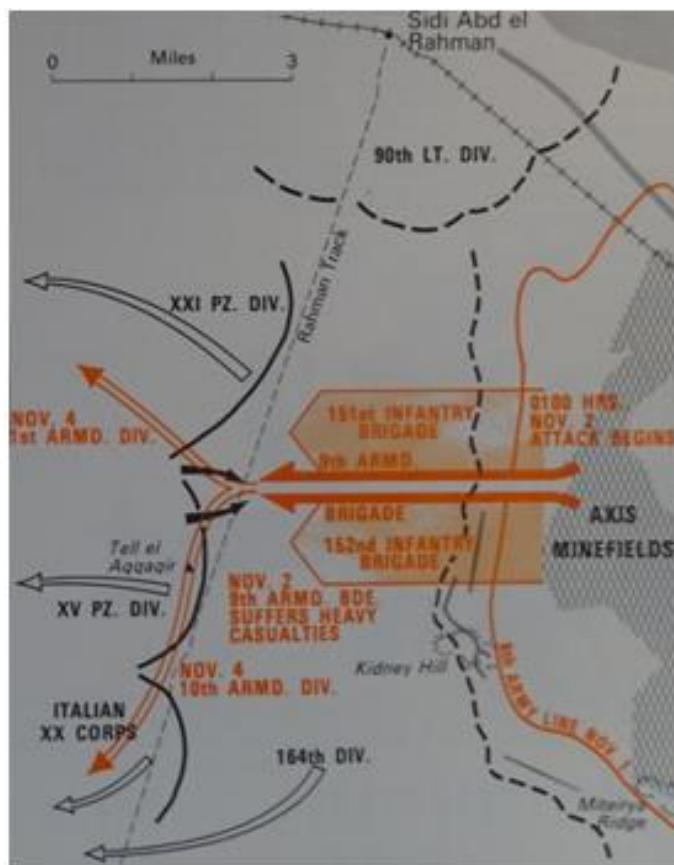
Протяженность фронта атаки составила около 4 000 ярдов, глубина прорыва – 6 000 ярдов. Пехота (151-я и 152-я пехотные бригады) пошли в атаку, все шло превосходно, и, после достижения пехотой своих целей, в прорыв двинулись танки и образовали плацдарм, через который предполагалось пропустить танковые дивизии 10-го Корпуса. Цели были

достигнуты, но 9-я Танковая Бригада понесла тяжелые потери. Затем на помощь ей пришла 1-я Танковая Дивизия, и произошел танковый бой.



Британские танки с противоминными тралами. 5 ноября 1942 г.
<http://ww2live.com/en/content/world-war-2-decisive-role-allied-tanks-battle-el-alamein-through-30-dazzling-images>

3 ноября мы уже знали, что противник разбит, поскольку по сообщениям воздушной разведки началось его отступление, и мы знали, что у Роммеля недостаточно транспортных средств или горючего для того, чтобы отвести больше чем лишь часть своих войск. Однако 3 ноября мы все еще не вырвались на открытое пространство, так как противник продолжал удерживать бреши в своей обороне с помощью противотанковой артиллерии. В ночь с 3-го на 4-е полный прорыв был осуществлен силами 51-й Дивизии и индийской 4-й Дивизии.



Немецко-итальянские бронетанковые силы
 Контратаки Роммеля
 Немецко-итальянская пехота
 Роммель начинает отвод войск в ночь с 3 на 4 ноября

Прорыв обороны войск стран Оси – завершающая стадия сражения

Сражение было выиграно за 11 дней, что было почти равно сроку, рассчитанному командующим армией. Противник отступал, и наши танки и бронемашины теперь действовали на открытом пространстве. Мы надеялись, что наша авиация вызовет хаос в отступающих колоннах врага. Мы предвкушали то, что это отступление превратится в полный разгром с учетом того, что у нас было полное господство в воздухе. Но результаты разочаровали нас. Проезжая по дороге между полем Эль-Аламейнского сражения и Дабой, я ожидал увидеть непрерывную полосу разрушения, но в поле зрения были единичные уничтоженные машины на большом расстоянии одна от другой. Проблема была в том, что мы к тому времени еще не научились обстреливать противника с небольших высот, так как наши штурмовики были заняты воздушными боями и бомбовыми атаками. Я полагаю, что воздушные атаки на отступающие колонны были в основном бомбовыми, и самолетам не разрешали снижаться до малых высот. Несомненно, это было связано с тем, что наших летчиков не обучали пушечно-пулеметному обстрелу с малых высот. Я думаю, что мы упустили возможность [разгрома противника...]

Также я был разочарован тем, что мы не смогли полностью отрезать уцелевшие силы Роммеля и избежать продолжительной и трудной серии операций, которые привели нас в Триполи. Монтгомери, тем не менее, знал, что это было только вопросом времени, и, так или иначе, ему просто не повезло, потому что наши части, которым он приказал отрезать противника, застрявшего близ Фуки/Fuka и Матрух/Matruh, были лишены возможности выполнить поставленные задачи необычайно сильными проливными дождями, из-за

которых они увязли на дорогах всего лишь *на расстоянии броска камня* от отступавшего противника.

Francis de Giungand. ALAMEIN: THE TIDE TURNS. Western Desert, October/November 1942

PURNELL'S HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR. Vol.10

Сокращенный перевод – Владимир Крупник